

© 2014 г.

А.Г. САНИНА

ГЕНЕЗИС ИДЕИ ИДЕНТИЧНОСТИ В СОЦИОЛОГИИ И СМЕЖНЫХ НАУКАХ

САНИНА Анна Георгиевна – кандидат социологических наук, доцент кафедры государственного и муниципального управления Национальный исследовательский университет “Высшая школа экономики” (Санкт-Петербург) (E-mail: anna.g.sanina@gmail.com).

Аннотация. В статье дается обзор подходов к понятию “идентичность”; анализируются последствия трансляции этого понятия из социально-психологической и социально-культурной сферы в пространство политической практики; определены границы междисциплинарного исследования идентичности. Автор делает вывод, что в современном научном дискурсе проблематика идентичности приобрела ярко выраженный междисциплинарный характер. Важнейшим условием формирования теории идентичности становится выдержанность методологических координат “эссенциализм – конструктивизм” и “индивидуальная – коллективная идентичность” как основы трактовки предмета исследования.

Ключевые слова: идентичность • социальная идентичность • социологические теории

Происхождение термина “идентичность” от латинских “idem” и “ipse” накладывает на него два различных значения. Согласно первому из них (“idem”), “идентичный” выступает синонимом “в высшей степени сходного”, “аналогичного”, “того же самого”, “неизменного во времени”. Во втором значении “ipse” термин “идентичный” связан с понятием “самости” (“ipseite”), “себя самого” [Рикер, 1995: 19–37]. В этом смысле индивид тождествен самому себе. В применении к анализу идентичности социальных общностей это предполагает не только оценку сходства между самоощущением индивидов и их восприятием в сообществе, но и классификацию внешних объектов, помогающих эффективно овладевать практиками идентификации (различения “они – мы”, “свой – чужой”, символические объекты, традиции и ценности). При этом возможно выделение нескольких дисциплинарно различных, хотя и соотносимых друг с другом, подходов к пониманию идентичности: логического, философского, психологического, антропологического, социологического, политологического.

Логический ракурс идентичности определяет трактовку термина в других науках. В логике понятие идентичности связывается с понятием тождества и предполагает не только операции отождествления, но и операции неразличимости (Г. Лейбниц, Г. Фреге, Б. Рассел). Само понятие тождества интерпретируется как неотличимость предметов друг от друга в некоторой совокупности свойств, а соотношение имени и объекта строится по принципам однозначности, предметности, взаимозаменяемости [Kitis, 1989: 141–158].

В философской традиции эта трактовка идентичности переносится на сферу взаимоотношения бытия и сознания (М. Хайдеггер, М. Шелер). Так, Э. Гуссерль подчеркивает, что между сознанием и реальностью лежит “подлинная бездна смысла” [Гуссерль, 2001: 115], и именно это создает возможность для конституирования идентичности. Д. Юм развивает данный тезис, представляя процесс формирования идентичности не “изнутри”, а “извне”, из общества, через поддержание имени, репутации, славы [Юм, 2001]. Это подвергает сомнению саму идею “Я” как тождественности самому себе, перенося ракурс рассмотрения проблемы идентичности на социальные от-

ношения. В постклассической философии XX в. трактовка идентичности практически полностью связывается с проблемой индивидуализации личности и трактуется как практики самообозначения индивидуальности через ограничение выбора из многозначности (С. Кьеркегор, В. Дильтей, Д. Рисмен, М. Бахтин). Так, например, Ю. Хабермас пытался осмыслить идентичность как индивидуализацию внутри исторического контекста [Хабермас, 2000: 374], в котором индивид через включение в сложную организованную систему социальных действий постоянно сталкивается с проблемой сохранения своей индивидуальности и целостности [Хабермас, 1989: 28–52].

В постмодернистской философии, получившей развитие в современной науке и определяющей междисциплинарный взгляд на рассматриваемую проблему, размышления философов приводят к формированию концепции утраты индивида как центра и источника тождественности (Ж. Делез, Ж. Деррида), к развитию представления о “расщепленности” человека [Фокин, 1994: 322] и “ризомном” характере социальной идентичности (Ж. Бодрийяр). М. Фуко отказывается от идеи человека, обладающего “фиксированной” внутренней сущностью – идентичностью. С его точки зрения, человеческое “я” определяется длительным и изменчивым дискурсом в процессе коммуникации с другими людьми [Foucault, 1978]. Ж. Делез и Ф. Гваттари в концепции номадологии показали, что рассуждения об идентичности неотделимы от социальной и политической реальности общества, в котором они развиваются, – причем данная реальность характеризуется свойствами детерриторизации и ризомности [Делёз, Гваттари, 2007]. В целом идея идентичности как совокупности практик вместо прежнего понимания идентичности как фиксированной данности способствует развитию концепции индивида как конституируемого через культурную, социальную и политическую среду.

Психологические теории развивают понимание идентичности как чувства “ощущения себя”, которое изменяется на протяжении всей жизни человека и, следовательно, имеет динамический характер, а идентификацию – как защитный психологический механизм, позволяющий уподоблять себя некоему образу [Гуревич, 2010: 64]. При этом психоанализ трактует изменение содержания идентичности как результат различного рода кризисов механизмов интериоризации в процессе формирования “супер-эго” (З. Фрейд), которые возникают вследствие потери актуальности целей, ценностей и убеждений, поддерживавших человека ранее. Фрейд описывает идентичность как бессознательный процесс отождествления связи ребенка с родителями и таким образом обозначает потенциал этого феномена для формирования личности и важного механизма взаимодействия между индивидом и группой [Фрейд, 1990: 56], обеспечивающего аффективную общность и особое чувство живания, сопричастности. Э. Фромм включил потребность в идентичности в число универсальных человеческих потребностей, которая стоит за стремлением людей к обретению социального статуса и конформизмом, как одного из механизмов бегства от свободы [Фромм, 1998: 45].

Один из ключевых представителей эгопсихологии Э. Эриксон, с именем которого обычно связывают появление термина “идентичность” в социальных науках, рассматривает его как качество, лежащее в основе биосоциальной природы и адаптивного характера поведения человека [Эриксон, 1996: 56]. Идентичность строится на основе знаний об окружающем обществе и представляет собой попытки ответить на значимые для личности вопросы (кто я? кем я хочу быть? кем я не хочу быть? и т.д.). Проблему неопределенности идентичности Эриксон называет кризисом идентичности. Для его преодоления нужна идеология, то есть неосознанный набор ценностей и посылок, отражающий религиозное, научное и политическое мышление. Утрата доверия к идеологической системе может обернуться всеобщим хаосом и неуважением, недоверием к тем, кто формирует совокупность социальных правил [Эриксон, 1996: 85].

Когнитивная психология (А. Тэджфел, Дж. Тернер) в основу развития концепции идентичности кладет предпосылку о том, что каждый индивид характеризуется 1) социальными характеристиками, которые демонстрируют его членство в группе, а также 2) индивидуальными характеристиками, которые более специфичны, уникальны. Социальная идентичность при этом рассматривается в качестве когнитивной системы, которая выполняет роль регуляции поведения. Личностная и социальная идентичность представляют собой два полюса единого биполярного континуума [Tajfel, 1982]. В отечественных исследованиях проблема соотношения личностной и социальной идентичности также имеет сильный резонанс и нашла свое отражение в работах Г.М. Андреевой, И.С. Кона, Т.Г. Стефаненко, В.А. Ядова. Например, И.С. Кон предлагает структурную модель “самости”, в которой понятие идентичности имеет

три модальности: 1) психофизиологическую идентичность, обозначающую единство и преемственность физиологических и психических процессов организма; 2) социальную идентичность, характеризующую систему свойств, благодаря которым особь становится членом определенного общества или группы; 3) личную идентичность, обозначающую единство и преемственность жизнедеятельности, целей, мотивов, ценностных ориентации и самосознания личности [Кон, 1995].

Философские и психологические теории идентичности стали основой для *антропологического подхода*, предполагающего прежде всего утверждение принципов уникальности каждой культуры и изучения целостной личности в единстве ее психофизиологических, культурных и социальных проявлений. В исследовании Ф. Боаса, Л. Уайта, Б. Малиновского, А. Рэдклифф-Брауна, К. Леви-Стросса обосновывается, что структурные характеристики любой культуры предстают как внеинституциональные образования, влияющие на самоопределение индивидов и социальных групп [Велик, Резник, 1998: 274; Рэдклифф-Браун, 1997: 604]. Благодаря работам К. Гирца социокультурная реальность стала рассматриваться как среда формирования идентичности, определяемая не только совместной активностью людей, но и интерпретацией ее процессов и результатов. Идентичность в антропологическом подходе трактуется как культура, отраженная в индивидуальном поведении, ориентированная на интеграцию с социальным и на проявление “культурных универсалий”, предстающих в том числе в форме символов и мифов [Malinowski, 1973: 68]. Именно поэтому считается, что в традиционных обществах идентичность, выступая функцией социально-ролевого и символического пространств, которые обеспечивали ориентацию и давали религиозную санкцию места индивида в мире, была устойчивой и жестко фиксированной. Данное теоретическое положение стало одной из основных точек сравнения идентичности “традиционного” и “современного” человека в более поздних научных работах.

Антропологическая традиция привнесла серьезные изменения в концептуализацию проблематики идентичности в западной науке. Как отмечает М.В. Тлостанова, прежде концепт идентичности существовал в основном в психологической и психо-социальной сфере и был в наиболее общем смысле сформулированным для “человека вообще, за которым, впрочем, всегда угадывался западный белый обыватель среднего класса, мужчина-гетеросексуал и христианин, что делало сам термин “идентичность” крайне уязвимым и абстрактным” [Тлостанова, 2010: 191]. Антропологическое исследование культуры и ее связи с идентичностью предопределило установку на то, что “человека вообще” не существует, а каждый индивид контекстуально определен культурой, историей общества, полом, сексуальной ориентацией и т.д. Все это привело к проблематизации понятия “нормальной” идентичности и распространению концепта множественной идентичности в социальных науках, а также к развитию нового научного подхода к изучению этнических групп (Ф. Барт). Главными понятиями, определяющими этническую группу, становятся не культура, а социальные границы и этническая идентичность. Как отмечает Барт, “неважно, насколько члены группы отличаются своим внешним поведением, – если они утверждают, что принадлежат к категории А в противоположность другой, сходной категории В, они хотят, чтобы их воспринимали как А, а не как В и чтобы их поведение интерпретировалось и оценивалось как поведение А, а не как поведение В; иными словами, они декларируют свою принадлежность культуре этнической группы А” [Барт, 2006: 17]. Задача исследователя, таким образом, заключается в определении совокупности признаков, которые сами люди считают значимыми и воспринимают в качестве маркеров принадлежности к своей или другой группе.

Особую роль в развитии культурных концепций национальной идентичности и методологических подходов к ее исследованию сыграли *этнологические и этносоциологические теории*, разрабатываемые в рамках как советской теории этносов и западной традиции исследования общественно-политических проблем, связанных с национализмом, проблемой этничности и этнических конфликтов [Барков, 2006: 61]. При этом все многообразие подходов к анализу этничности сводится к нескольким теоретическим моделям: эссенциализму (примордиализму), функционализму, конструктивизму и инструментализму. Примордиализм (Ю.В. Бромлей, Л.Н. Гумилев, Н.Я. Данилевский, П. Ванн ден Берге, Э. Смит, К. Гирц, Э. Шилз) предполагает, что этнос имеет глубокие исторические, социо-биологические корни, то есть изначально все представители одного этноса имеют кровно-родственные отношения. Функционализм (Б. Малиновский, А. Рэдклифф-Браун) рассматривает этничность как

преходящее, ограниченное по времени явление, и ставит своей основной задачей прикладное изучение различных проявлений культурной жизни, средств и способов удовлетворения потребностей личности при помощи социальных институтов. Согласно конструктивистскому подходу (Б. Андерсон, Дж. Комарофф, Ф. Барт, Э. Хобсбаум, В.А. Тишков), этнос и этническая идентичность – это интеллектуальный, сознательно формируемый в обществе, конструкт. Инструменталистский подход (Д. Хоровитц, Дж. Ротшильд, С. Олзан, Дж. Нейджел, Г.Г. Дилигенский) рассматривает этничность как инструмент, используемый представителями политической элиты в борьбе за власть. В современной науке конструктивистская и инструменталистская модели стали основой развития концепций национальной идентичности в рамках различных областей знания, а также междисциплинарного подхода к исследуемому феномену. Особенно популярной стала данная тематика в связи с анализом соотношения этнической и национальной идентичностей, а также феномена мультикультурализма.

Социологический взгляд на проблему идентичности также неоднороден и развивается в рамках различных теоретических подходов. Во многом он заимствует положения психологических, антропологических и этнологических теорий, однако его безусловной спецификой является более разностороннее, комплексное, широкое видение предмета исследования. Как отмечают П. Бергер и Т. Лукман, в социологическом плане “теории идентичности всегда включаются в более широкие теории реальности, поэтому понимать их следует в логике последних” [Бергер, Лукман, 1995: 282]. Дж. Гиллис подчеркивает, что идентичность – это не “то, о чем мы думаем, а то, как мы думаем” [Commemorations..., 1994: 5]. Самостоятельно, вне конкретной политической реальности, вне исторически конкретных социальных отношений, она не существует. По мнению Л.М. Дробижевой, центром внимания социологического подхода к анализу идентичности является “...соотнесение личности с группой, представления о группе, социальные механизмы самоопределения индивидов в многообразных группах... Каждая из них включает в себя индивидуальную и коллективную идентичности разного масштаба и содержания” [Дробижева, 2003: 336].

В рамках *интерпретативной парадигмы* в социологии рассматривается процесс становления социального “Я”, который происходит в ситуациях взаимодействия с другими людьми. Представители символического интеракционизма (Дж.Г. Мид, У. Джеймс, Ч.Х. Кули, Т. Шибутани), которые были пионерами в социологической интерпретации этого феномена, обосновывают разделение личностной структуры на “Self” и “Me” как социализированной части “Я” (Me) в ее соотношении с самостью (Self) [Mead, 1934]. По утверждению Ч. Кули, идентичность – это по существу отражение свойств человека такими, как он воспринимается в обществе, в группе, членом которых он является [Кули, 2000: 183]. Дж.Г. Мид подчеркивает, что основной силой развития любого сообщества и общества в целом выступает диалог, в процессе которого другие прислушиваются к нашему мнению и определенным образом реагируют на те или иные поступки [Mead, 1934: 169].

Феноменологическая социология, объясняя смысл социального взаимодействия, трактует идентичность как сферу смыслов, выступающую продуктом не только культуры, но и повседневности. Так, А. Шюц, создатель теории интерсубъективности, видел основную задачу социологии в том, чтобы понять процесс становления объективности социальных феноменов на основе субъективного опыта индивида [Шюц, 1988]. С точки зрения представителя феноменологической герменевтики П. Рикера, идентификация может быть рассмотрена как “повествование о жизни”, цель которого – придать цельность разрозненному и очевидность уникальному в пространстве публичности. При этом “постидентичность” выступает как “нарративная идентичность”: она не столько “сохраняет”, сколько “поддерживает” индивида в процессах постоянного “переиначивания” [Ricoeur, 1990].

П. Бергер и Н. Лукман, развивая *конструктивистскую концепцию*, указывают на то, что идентичность является ключевым элементом субъективной реальности, но находится в постоянной диалектической взаимосвязи с обществом [Бергер, Лукман, 1995]. Идентичность формируется в результате двух взаимосвязанных процессов: экстернализации индивида в социальном мире и интернализации последнего как объективной реальности. Эти процессы обеспечивают связь между индивидами и социальными группами через соединение последовательности ситуаций в интерсубъективный мир. М. Кастельс рассматривает идентичность как “процесс конструирования

смысла на основе определенной совокупности культурных свойств, которые обладают приоритетом по отношению к другим источникам смысла” [Castells, 1997].

Создатель *драматургической концепции* И. Гофман рассматривает техники самовыражения и создания впечатлений индивидов о себе (“представление себя другим”) и вводит понятия реальной и виртуальной идентичности [Гофман, 2000]. Виртуальная идентичность представляет собой стратегию поведения, направленную на выживание в условиях конкретного социального мироустройства. Рассматривая ролевые наборы, задействованные в “театре” жизни, Гофман проводит дистанцию между “Я” и идентичностью, которая в его логике рассуждений становится лишь ролью, которую играет “Я”. Реальная идентичность, в отличие от виртуальной, составляет внутреннее содержание личности, но в ситуациях непосредственного взаимодействия чаще всего прячется за ситуативными, виртуальными, идентичностями. Рассуждениям И. Гофмана близка концепция “борьбы идентичностей” Р. Фогельсона, в которой выделяются четыре компонента идентичности: реальная (представление индивида о себе в конкретный период его жизни), идеальная (модель поведения и существования, к которой индивид стремится), негативная (“образ себя”, которого индивид стремится избежать), предъявляемая (набор образов, которые индивид транслирует другим людям с целью повлиять на их оценку) [Fogelson, 1982].

Важное направление интерпретации с позиций социального конструктивизма понятие идентичности приобрело в работах П. Бурдьё, рассматривающих *дискурс “идентичности” как значимый элемент политической борьбы*. С точки зрения исследователя, “сражения по поводу этнической или региональной идентичности – другими словами, по поводу свойств группы (стигм или эмблем), связанных с ее происхождением, определяемым через географическую привязку к местности, а также с помощью таких длительных маркеров, как языковой акцент, – являются частным случаем различных конфликтов по поводу классификаций, борьбы за монополию на власть, с помощью которой можно заставлять людей видеть и верить, знать и узнавать, с помощью которой можно навязывать легитимные определения делений социального мира и, таким образом, создавать и ликвидировать группы” [Бурдьё, 2002: 50].

Структурно-функциональный анализ и системная теория рассматривают идентичность в контексте взаимосвязи индивида и социокультурной среды. Т. Парсонс использует понятия имитации и идентификации, заимствованные из работ Фрейда, применяя их к теории социального действия и социальных систем. Имитация представляет собой процесс, с помощью которого усваиваются элементы культуры, знания, навыки, традиции и т.д. Идентификация характеризует внутреннее усвоение ценностей людьми в процессе социального научения и особенно – в ситуациях взаимодействия со значимыми другими. Под идентичностью ученый понимает систему кодов, посредством которой индивидуальные значения символизируются и становятся руководством к действиям – это не агрегация мотивов, а мета-мотивация [Parsons, 1968: 20–22]. Понятие идентичности, таким образом, относится к двум взаимосвязанным аспектам положения индивида в обществе: во-первых, оно предполагает знание системы, в которой действует человек, и ее нормативную оценку; во-вторых, оно связано с проблемой самоопределения индивида в нормативном пространстве. Схожую идею развивает и Р. Мертон, вводя понятие рефлексивной группы, по отношению к которой выстраивается идентичность индивида даже в том случае, когда человек к этой группе не принадлежит или, более того, эта группа носит принципиально недоступный, иллюзорный характер [Мертон, 1999: 75].

Отдельно необходимо отметить, что структурные функционалисты одними из первых в социологии затронули проблему соотношения этнической и национальной идентичности (в том числе с точки зрения формирования государственной политики в данной сфере). В частности, Т. Парсонс указывает, что поддержание единства нации не требует “растворения” этнических групп в национальном сообществе, хотя этнический плюрализм и является серьезным вызовом для современных демократий. Для снижения уровня этнической конфликтности исследователь считал необходимым укрепление общей гражданской основы современной нации [Парсонс, 1998]. В дальнейшем на том, что государство вправе требовать от своих граждан политической лояльности, но ни в коем случае не культурной ассимиляции, настаивал и Ю. Хабермас [Habermas, 1994: 20–35].

Системная теория Н. Лумана поднимает вопрос о самореферентной идентичности, на которую не влияют включенности в социальные связи и социальные позиции.

Если индивид идентифицирует себя через соотнесение только с собственной индивидуальностью, его можно считать способным к существованию во множественных контекстах. Определяющими для социальной системы являются процессы самоописания и различения самореференций и инореференций [Луман, 2005]. В.А. Тишков, следуя теории Лумана, подчеркивает, что, например, для формирования этнической группы важны не “предписания и самопредписания” [Тишков, 2003: 106], а установление различия самопредписаний и предписаний – и это, в частности, заставляет переосмыслить воздействие политических факторов на формирование этничности. Система существует до тех пор, пока ничто извне не может вмешаться в ее внутренние операции, в том числе внешняя политическая воля (постулат оперативной замкнутости систем). Ситуация вмешательства обуславливает определенные проблемы самореферентной идентификации: тавтологию и парадокс, которые проектируются в стратегии детавтологизации и депарадоксализации, стратегии размыкания тождества и “наделения смыслом” [Луман, 1991: 194–218], формируя таким образом социальную идентичность.

В социологических теориях модернизма и постмодернизма проблема социальной идентичности становится одной из центральных. Исследовательский фокус при этом определяется влиянием актуальных социально-политических и социально-культурных тенденций, затрагивающих сложные, все более гетерогенные и мобильные социальные системы. Их важнейшей чертой становится сначала единство и совпадение географического и социального пространств, национальных государств, национальных культур и идентичностей (это состояние достигалось по мере формирования национальных государств в Западной Европе) [Черныш, 2007: 43], а затем – набирающие силу процессы “размытия границ”, обусловленные усиливающейся международной миграцией и глобализацией общества.

С 1960–1970-х гг. стала развиваться концепция мультикультурализма, несущая в себе признание прав этнических сообществ на поддержание своей культурной идентичности, а такие понятия, как “разнообразие”, “этническая идентичность”, “толерантность” оказались в фокусе публичной политики. Теоретики мультикультурализма Ч. Тэйлор, А. Янг, У. Кимлика настаивали на том, что любое государство призвано обеспечивать нормальные условия для развития идентификационных процессов, благодаря которым человек обретает уверенность в своих силах, самоуважение и ощущение социальной необходимости своих действий [Taylor, 1992] и, следовательно, должно организовать гармоничное совместное проживание социальных групп различной этнокультурной ориентации в рамках политической нации [Тэйлор, 2002: 36].

Перенесение понятия идентичности из социально-психологической и социально-культурной сферы в пространство политического имело ряд важных последствий для социальной теории.

Во-первых, исследователи данной проблематики стали обращать большее внимание на процессуальный характер идентичности. В понятийном аппарате это выразилось во все более частом употреблении термина “идентификация”, обозначающего постоянное становление, развитие. Идентификация, в отличие от идентичности, не подразумевает наличия “готовых” установок у субъекта, а, скорее, предполагает поиск идентичности и ее постоянную трансформацию.

С. Холл отмечает, что идентичность никогда не бывает полностью “достигнутой” или полностью “утраченной” и чаще всего оказывается конвенциональной и случайной. Он вводит понятие “дискурсивная идентичность”, подчеркивая, что в современном обществе любая идентичность «проявляется в игре особых модальностей власти и, таким образом, является в большей степени продуктом производства различия и исключения, чем знаком идентичной, естественно-конституированной общности – “идентичности” в ее традиционном значении» [Hall, 1996: 4]. Именно поэтому нельзя, например, “возродить” утраченную национальную идентичность – ее можно только выстроить заново, учитывая особенности новой социокультурной среды. Л. Малкки указывает, что идентичности всегда мобильны и процессуальны, это одновременно и самоконструкты, и категории (“ярлыки”), даваемые другими; также они в какой-то степени – это наше общественное положение, статус и даже оружие, щит [Malkki, 1995: 446]. В.А. Ядов также указывает, что “идентичность – результат, ставшее, отстаивание и защита себя; идентификация – приспособление, процесс постоянного выбора, принятие норм, традиций, установок. Поэтому на каждом уровне описания процесс идентификации предшествует осмыслению идентичности” [Ядов, 2000: 597].

Во-вторых, появилась необходимость постоянного различения двух наполнений понятия “идентичность” – как категории практики и как предмета научного анализа. Особое развитие данный тезис получил в рамках относительно нового, политологического, подхода к исследованию данного феномена. Как отмечает А.М. Карпенко, восприятие идентичности в качестве практической категории предполагает наблюдение реальных ситуаций, в которых она употребляется (риторики политических деятелей, программ политических партий, содержательного и символического наполнения средств массовой информации), и восприятие ее как продукта социальных отношений в обществе. Превращение идентичности в центральную категорию научного анализа несет в себе опасность реификации ее практического наполнения: исследователь начинает относиться к ней «как к данности, совокупности имманентно присущих некоторой группе характеристик, которые можно “открыть”, “описать”, “определить”, “классифицировать”, “исследовать”» [Карпенко, 2008: 11]. Результатом такого теоретического поиска становится убежденность ученых в том, что любой индивид или социальная группа “имеют идентичность”, даже если сами этого не сознают. В то же время исследователь всегда имеет возможность отказать группе или общности в наличии идентичности. Специфика современного социологического подхода к анализу идентичности, таким образом, состоит в рассмотрении ее как социального феномена, доступного эмпирическому изучению и только затем – абстрактному теоретизированию.

В-третьих, социологи и политологи все чаще стали ставить под сомнение тот факт, что люди стремятся идентифицировать себя с макросоциальными структурами. В частности, государство перестает быть значимым социальным институтом, а его лидеры – авторитетом. “Детрадиционализация” общества в современную и постсовременную эпоху неизменно сопровождается растущей личностной, коллективной и институциональной рефлексивностью, культурным плюрализмом, альтернативностью выбора моделей поведения, непрерывным изменением и повышающимся риском [After Identity, 1995]. В понятийном аппарате это выразилось в изобретении бесконечного количества эпитетов, характеризующих идентичность (“множественная”, “гибридная”, “текучая”, “размытая”). Метафоризация привела к развитию критической позиции в отношении эвристичности этого понятия и развитию точки зрения о необходимости отказа от использования концепции идентичности в социологическом и социально-политическом анализе. Показательной в данном отношении можно считать статью Р. Брубейкера и Ф. Купера «За пределами “идентичности”», написанную в 2000 г. [Brubaker, Cooper, 2000: 1]. А. Мелуччи признает, что данный термин сохраняет свою семантическую неотделимость от идеи неизменности и по этой причине, в определенной мере препятствует процессуальному анализу [Melucci, 1996: 72].

В то же время С. Холл, в 1996 г. отметивший, что во многом данное понятие проблематично и подвергается критике, тем не менее, подчеркивает, что идентичность есть “идея, которую нельзя мыслить в старой форме, но без которой многие ключевые вопросы не могут быть осмыслены вообще” [Hall, 1996: 1]. С данной позицией соглашается и отечественный политолог В.С. Малахов, в целом весьма критически относящийся к расширительным трактовкам идентичности, но видящий значимость данного понятия именно в том, что «оно позволяет избежать нежелательных ассоциаций с “философией сознания” и в то же время не отдавать соответствующую проблематику на откуп психоанализу» [Малахов, 2001: 89]. Малахов подчеркивает, что «вводя термин “идентичность”, мы можем тематизировать нерелевантные, ускользающие от контроля “самосознания” содержания и вместе с тем не прибегать к зарезервированным психоанализом понятиям “подсознание” и “бессознательное”» [Малахов, 2001: 90].

В-четвертых, проблематика идентичности приобрела ярко выраженный междисциплинарный характер, объединяя в рамках одного исследовательского поля взгляды различных научных дисциплин, школ и направлений. По мнению И.С. Семененко, междисциплинарное исследование идентичности имеет значительный научный потенциал, поскольку обеспечивают качественное приращение понимания общественных процессов, синтезируя динамические (самоидентификацию как процесс) и утвердившиеся ее характеристики (идентичность как состояние динамического равновесия), знания об объективной реальности и ее субъективном восприятии, пространственные и темпоральные параметры развития [Семененко, 2011]. Тенденция междисциплинарности во многом обусловлена феноменом “глобализации знания” [Albrow, 1990], присущей современным социальным наукам: так, например, Дж. Рит-

цер и Ж. Гурвич говорят о “комплементарном”, взаимодополняющем объяснении тех или иных социальных проблем, процессов, явлений посредством применения для их изучения разных теоретических подходов [Ритцер, 2002: 415; Gurvitch, 1971: 114 – 117]; Дж. Тернер развивает модель “аналитического теоретизирования”, предполагающую объяснение наблюдаемых фактов с помощью “подходящих” теоретических инструментов [Тернер, 1994]. В то же время необходимо отметить, что в процессе объединения различных подходов к идентичности зачастую происходит смешение понятийных границ и, как следствие, “скачки” с индивидуально-психологического на социально-культурный уровень. По справедливому убеждению В.С. Малахова, “индивидуальный” и “коллективный” концепты идентичности смешивать невозможно – хотя бы потому, что общество, в отличие от личности, не обладает качеством субъективности [Малахов, 1998].

Таким образом, *междисциплинарность как принцип современного исследования идентичности* подразумевает не просто объединение разных подходов к рассмотрению предмета изучения, но создание некоей “метатеории”, которая могла бы объединить уже существующие знания об объекте изучения и стать базой для синтеза, интеграции новых знаний. При этом важнейшим условием формирования теории идентичности становится выдержанность методологических координат как основы трактовки предмета исследования (эссенциализм – конструктивизм; индивидуальная – коллективная (социальная) идентичность). Невозможно сравнивать гендерную или сексуальную идентичность с идентичностью региональной или государственной даже на уровне определения: если микроуровень идентичности возможно определять через логическое понятие тождества, то ее макроуровень предполагает учет многочисленных структурных, символических и акциональных посредников, определяющих связь социальных явлений различной природы. Каждый срез идентичности, актуальный в условиях современности, заслуживает разработки особого методологического подхода к его исследованию – как теоретическому, так и эмпирическому.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Барков Ф.А. и др. Этнос в глобализирующемся мире / Отв. ред. Ю.Г. Волков. Ростов н/Д.: Изд-во СКНЦ ВШ ЮФУ, 2009.
- Барт Ф. (ред.) Этнические группы и социальные границы. Социальная организация культурных различий. М.: Новое издательство, 2006.
- Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. М.: Медиум, 1995.
- Бурдые П. Идентичность и репрезентация: элементы критической рефлексии идеи “региона” // *Ab Imperio*. 2002. № 3. С. 45–60.
- Велик А.А., Резник Ю.М. Социокультурная антропология (историко-теоретическое введение). М.: Изд-во МГСУ “Союз”, 1998.
- Гофман И. Представление себя другим в повседневной жизни. М.: Канон-Пресс, 2000.
- Гуревич П.С. Проблема идентичности человека в философской антропологии // *Вопросы социальной теории*. 2010. Т. IV. С. 64–87.
- Гуссерль Э. Картезианские размышления. М.: Идея-Пресс, 2001.
- Делёз Ж., Гваттари Ф. Анти-Эдип: Капитализм и шизофрения. Екатеринбург: У-Фактория, 2007.
- Дробижева Л.М. Социальные проблемы межнациональных отношений в постсоветской России. М.: Центр общечеловеческих ценностей, 2003.
- Карпенко А.М. Региональная идентичность как категория политической практики. Автореферат дис. ... канд. политич. наук. М., 2008.
- Кон И.С. Социологическая психология. М.: Московский психолого-социальный институт, 1995.
- Кули Ч.Х. Человеческая природа и порядок. М.: Идея-Пресс, 2000.
- Луман Н. Самоописание // *Эпистемология и философия науки*. 2005. № 2. С. 118–135.
- Луман Н. Тавтология и парадокс в самоописаниях современного общества // *Социологос*. 1991. Вып. 1: Общество и сферы смысла. С. 194–218.
- Малахов В.С. “Скромное обаяние расизма” и другие статьи. М., 2001.
- Малахов В.С. Неудобства с идентичностью // *Вопросы философии*. 1998. № 2. С. 43–53.
- Мертон Р. Социальная структура и аномия // *Социология преступности (Современные буржуазные теории)*. М.: Прогресс, 1966. С. 299–313.
- Парсонс Т. Система современных обществ. М.: Аспект Пресс, 1998.
- Рикер П. Повествовательная идентичность // Рикер П. Герменевтика. Этика. Политика: Московские лекции и интервью. М.: Akademia. 1995. С. 19–37.

- Ритцер Дж.* Современные социологические теории. СПб.: Питер, 2002.
- Рэдклифф-Браун А.* Методы этнологии и социальной антропологии // Антология исследования культуры. Т. 1: Интерпретация культуры. СПб., 1997. С. 7–63.
- Семеновко И.С.* Идентичность в предметном поле политической науки // Идентичность как предмет политического анализа. Сборник статей по итогам Всероссийской научно-теоретической конференции (ИМЭМО РАН, 21–24 октября 2010 г.). М., 2011. С. 8–13.
- Тернер Дж.* Аналитическое теоретизирование // THESIS. 1994. Т. 2. № 4. С. 119–157.
- Тишков В.А.* Реквием по этносу: Исследования по социально-культурной антропологии / В.А. Тишков. М.: Наука, 2003.
- Тлостанова М.В.* Человек в современном мире: проблемы множественной идентичности // Вопросы социальной теории: науч. альманах. 2010. Т. 4. С. 191–218.
- Тейлор Ч.* Демократическое исключение (и “лекарство” от него?). URL: <http://www.archipelag.ru/geoculture/langsnpoples/Vavilon/exclusion> (дата обращения: 23.10.2014).
- Фокин С.Л.* Танатография Эроса: Жорж Батай и французская мысль середины XX века. СПб., 1994.
- Фрейд З.* Массовая психология и анализ человеческого Я // Фрейд З. Избранное. М.: Наука, 1990.
- Фромм Э.* Анатомия человеческой деструктивности. М.: ООО “Изд-во АСТ-ЛТД”, 1998.
- Хабермас Ю.* Моральное сознание и коммуникативное действие. СПб.: Наука, 2000.
- Хабермас Ю.* Понятие индивидуальности // Вопросы философии. 1989. № 2. С. 35–40.
- Черныш Н. и др.* Вариации на тему идентичности для социокультурного оркестра // Социология: теория, методы, маркетинг. 2007. № 1. С. 33–48.
- Шюц А.* Структура повседневного мышления // Социологические исследования. 1988. № 2. С. 129–137.
- Эрикссон Э.* Идентичность: юность и кризис. М.: Прогресс, 1996.
- Юм Д.* О тождестве личности // О человеческой природе. СПб.: Азбука, 2001. С. 297–407.
- Ядов В.А.* Социальные и социально-психологические механизмы формирования социальной идентичности личности // Социальное самосознание. Самара: Бахрах-М, 2000. С. 589–602.
- After Identify / Ed. by D. Danielsen, K. Engle. N. Y.: Routledge, 1995.*
- Albrow M. Globalization, Knowledge and Society / Ed. M. Albrow and E. King, London, Sage Publ. 1990.*
- Bauman Z. Intimations of Postmodernity. London: Routledge, 1992.*
- Brubaker R., Cooper F. Beyond “Identity” // Theory and Society. 2000. Vol. 29. P. 1.*
- Castells M. The Power of Identity. Maiden, 1997.*
- Commemorations. The Politics of National Identity / Ed. By J. Gillis. Princeton, 1994.*
- Fogelson R.D. Person, Self and Identity. Some Anthropological Retrospects, Circumspects and Prospects // Psychosocial Theories of the Self. N. Y.; L., 1982. P. 64–87.*
- Foucault M. The History of Sexuality, Volume 1: An Introduction. N. Y.: Pantheon Books, 1978.*
- Gurvitch G. The social frameworks of knowledge. N. Y.: Harper & Row. 1971. Habermas J. Citizenship and National Identity / The Concept of Citizenship. L., 1994. P. 20–35.*
- Hall S. Who Needs “Identity”? // Hall S., Gay P. (eds). Questions of Cultural Identity. London: Sage, 1996.*
- Kitis E. Frege’s and Russell’s solutions to the problems of non-existent subject terms, identity, statements and opaque contexts // Faculty of Philosophy Yearbook. V. 1. Thessaloniki: Aristotle University, 1989.*
- Malinowski B. Magie, Wissenschaft und Religion. Und andere Schriften. Frankfurt am Main: S. Fischer Verlag, 1973.*
- Malkki L. Purity and Exile: Violence, Memory, and National Cosmology among Hutu Refugees in Tanzania. Chicago; London, 1995.*
- Mead G.H. Mind, Self and Society. Chicago: University of Chicago Press, 1934.*
- Melucci A. Challenging Codes: Collective Action in the Information Age. Cambridge, UK: Cambridge University Press, 1996.*
- Modernity and Identity / Ed. by S. Lash, J. Friedman. London: Blackwell Publishers, 1992.*
- Parsons T. The Position of Identity in the General Theory of Action // The Self and Social Interaction / Ed. by K. Gergen, C. Gordon. N. Y.: John Wiley and Sons Inc, 1968. P. 11–24.*
- Ricoeur P. Narrative Identity // On Paul Ricoeur: Narrative and Interpretation / Ed. by D. Wood. L.; N.Y.: Routledge, 1990. P. 20–33.*
- Tajfel H. Social identity and intergroup relations. Cambridge; Paris, 1982.*
- Taylor C. The Politics of Recognition // Amy Gutmann (ed.) Multiculturalism and “The Politics of Recognition”. Princeton: Princeton University Press, 1992. P. 25–74.*